

Ю. Г. Коргунюк

ПРАВая, ЛЕВАя ГДЕ СТОРОНА? ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ РАЗВОРАЧИВАЮЩЕГОСЯ КРИЗИСА

Экономический кризис породил в оппозиционных кругах самые радужные надежды. Особенно воодушевились левые, преисполняясь уверенности, что уж на этот-то раз мировому капитализму наступит окончательный конец, а социализм столь же окончательно восторжествует.

Между тем именно левым не стоит ждать праздника на своей улице. Они перепутали эпохи. Это в прошлом столетии экономические кризисы смешали центр политической тяжести в левый сектор. Примерно полвека назад ситуация поменялась, и рецессии все чаще стали вызывать не полевение, а поправление общественных настроений. Причиной тому — существенные изменения в социальной структуре развитых стран и конфигурации конфликтов, раскалывающих эти общества.

В первые десятилетия XX в. господствующим размежеванием в Западной Европе было противостояние труда и капитала, главными антагонистами в котором являлись работодатели и наемные работники, а роль среднего класса выполняли люди, работавшие сами на себя, — ремесленники, лавочники, фермеры, лица свободных профессий. Борьба шла, если выразаться марксистским языком, за перераспределение прибавочного продукта в рамках производственного процесса. Работники желали максимизации полагающейся им доли, работодатели — ее минимизации. Средний класс вел себя «амбивалентно»: в «мирное» время он сторонился социал-демократического движения, пугавшего его обещаниями тотальной национализации, но в периоды кризисов, сопровождавшихся массовыми разорениями, мелкий собственник, еще вчера дрожащий за свое невеликое имущество, а сегодня его лишившийся, из консерватора делался радикалом.

К середине XX в. главный конфликт эпохи претерпел заметную трансформацию. В результате деятельности социалистических (социал-демократических, лейбористских) правительств появился солидный слой людей, основным доходом которых стали прямые выплаты из казны. Образование этой страты привело к новому общественному размежеванию — между условными налогоплательщиками и условными бюджетополучателями; теми, кому выгодна минимизация социальных программ, и теми, кто заинтересован в перераспределении прибавочной

стоимости в рамках уже не производства, но общества в целом. Один из полюсов этого конфликта составили страты, живущие за счет государственного бюджета, второй — работодатели и примкнувший к ним «старый» средний класс, то есть мелкие собственники. Большинство же наемных работников, продолжая оставаться одной из сторон размежевания по линии «труд—капитал» (которое, разумеется, никуда не делось), в конфликте между налогоплательщиками и бюджетополучателями оказались в роли так называемого нового среднего класса, поскольку их вклад в бюджет примерно равнялся сумме получаемых от государства благ.

Соответственно, изменилось и политическое поведение этой категории населения. Во-первых, их стало труднее увлечь посулами национализации: они на своем опыте (а еще более на опыте стран «социалистического лагеря») узнали, что переход предприятия в государственную собственность вовсе не гарантирует роста благосостояния работников. Во-вторых, худо-бедно заработали механизмы согласования интересов обеих сторон производственного конфликта, в связи с чем пункт о защите прав работников перестал возглавлять политическую повестку дня. Наконец — и это самое главное, — теперь на экономические спады наемные работники реагировали совершенно иначе, нежели тогда, когда доминирующим являлось размежевание по линии «труд—капитал».

Если раньше большинство работников было относительно устойчиво в левых симпатиях, то теперь пик таких симпатий приходился на моменты экономических подъемов, кризисы же если и не способствовали поправению, то как минимум углубляли политическую индифферентность занятых в рыночном секторе. Другими словами, выяснилось, что размежевания «труд—капитал» и «бюджетополучатели—налогоплательщики» совпадают по фазе в периоды роста и не совпадают в периоды спада.

Механизм взаимодействия этих двух конфликтов выглядит примерно так. Во времена экономического роста, когда доходы работодателей на порядок обгоняют по темпам роста доходы работников, последние весьма охотно отзываются на призывы «потрепать богатеньких»; при этом профсоюзы активно прибегают к стачкам с целью добиться увеличения зарплаты. Однако с наступлением кризиса выясняется, что работникам не совсем по пути с бюджетополучателями, поскольку работники заинтересованы в сохранении собственного дохода, а не в дележе прибыли на всех. Если в периоды роста то и другое достаточно легко сочетается, то в условиях кризиса надо чем-то жертвовать, и нетрудно догадаться, какой выбор делают работники.

Кроме того, наемным работникам в роли «нового» среднего класса свойственна более высокая степень индивидуализма, особенно очевидная в моменты кризисов. В отличие от бюджетополучателей, для которых нет другого выхода, кроме как ориентироваться на коллективистские ценности (ведь именно коллективизм легитимирует справедли-

вость их претензий на долю в общественном пироге), наемные работники придерживаются коллективистской тактики лишь тогда, когда она приносит нужные результаты, то есть в периоды экономического роста. В периоды же кризиса чрезмерная настойчивость в достижении классовых целей чревата остановкой производства. Требовать перераспределения прибыли можно, только если прибыль есть. Если ее нет, нечего и перераспределять. Осознает ли это далекий от производственного процесса бюджетополучатель или нет — разницы никакой, выбора у него так и так не остается. Наемный работник обычно хорошо понимает, когда хозяин блефует, а когда действительно испытывает трудности. В последнем случае коллективистская тактика теряет смысл, и на смену ей приходит принцип «каждый за себя».

Отсюда и кажущаяся парадоксальность ситуации, когда значительная часть работников в разгар кризисов поддерживает праволиберальные партии. С левыми, а следовательно — с бюджетополучателями, остаются в основном те, кто в той или иной степени зависит от государства: бюджетники, работники убыточных государственных предприятий и пр. (Следует оговориться, что это вовсе не означает, будто бы все бюджетополучатели голосуют за левых; это означает лишь то, что современные левые ориентируются в первую очередь на бюджетополучателей и лишь в десятую — на наемных работников как класс.)

Конечно, обозначенные закономерности действуют главным образом в развитых странах, к которым Россия относится едва ли. Однако по одному показателю наша страна впереди планеты всей — по доле бюджетополучателей в общем объеме населения. К числу социальных страт, зависящих от госфинансирования, у нас можно отнести не только бюджетников, инвалидов и всех, кто традиционно пользуется поддержкой государства, но и пенсионеров (практически треть взрослого населения), работников государственных и муниципальных предприятий (как правило, убыточных), основную массу сельских жителей. Более того, в самом начале политической истории современной России бюджетополучателей от наемных работников было невозможно отделить даже чисто методологически: почти все работоспособное население состояло на службе у государства, и понять, кто из них казну пополняет, а кто опустошает, не получалось уже в силу ценовых диспропорций (например, оборонка фигурировала в качестве отрасли, приносящей доход, а пищевая промышленность, напротив, — насквозь убыточной). Но именно у нас особенности отношений между бюджетополучателями, наемными работниками и работодателями проявили себя с великолепной отчетливостью.

Так, пик популярности либеральных идей в России пришелся на зарю 1990-х годов, когда в стране еще не было ни рыночной экономики, ни собственно предпринимателей, а работодателем подавляющего большинства работающих являлось государство. В условиях всеохватного кризиса надежду на господдержку сохраняли только те, кому больше не на что было надеяться. Те, кто чувствовал себя более или менее

уверенно, были готовы рискнуть и отправиться в одиночное плавание. Даже после начала экономической реформы, когда стало понятно, что рынок предоставляет лишь возможность заработать деньги, но отнюдь не сами деньги, партии прорыночной ориентации продолжали пользоваться определенной общественной поддержкой. Самое же интересное — кризис 1998 г., который, по расчетам левых, должен был усилить именно их позиции, имел противоположный эффект: на думских выборах 1999 г. прорыночные силы (если причислить к ним и «партию власти») набрали больше голосов, чем антирыночные, а правые либералы, которых все успели списать со счетов, вернулись в парламент.

И наоборот — начавшийся в «нулевые» годы экономический подъем привел к росту антирыночных настроений и резкому падению популярности либеральных идей. Если в 1990-е годы многие наемные работники, получая зарплаты «в конвертах», помогали хозяевам уходить от налогов, то теперь, несмотря на рост доходов, они почувствовали себя по одну сторону с бюджетополучателями и присоединились к требованиям окоротить «зарвавшихся олигархов». Правда, на этот раз «антиолигархическую» волну оседлали не коммунисты, а «партия власти», но это уже детали.

Нынешний кризис за полгода почти не коснулся бюджетополучателей, зато успел серьезно задеть работников, вызвав спад производства, масштабные увольнения, переход на сокращенную рабочую неделю и пр. Примечательно, однако, что все это не повлекло за собой роста протестных акций. Даже наоборот — протестуют в основном пенсионеры, не желающие лишиться льготного проезда в муниципальном транспорте, или автомобилисты, недовольные повышением пошлин на импортные машины. А вот работники частных предприятий молчат. Скажем, профсоюз завода «Форд-Всеволожск», еще год назад шумно и бескомпромиссно боровшийся за доведение зарплат до европейского уровня, вдруг онемел и пропал. Еще бы — компания уже объявила о сокращении выпуска автомобилей в России, а надави на нее, и вообще остановит конвейер.

Так что ответ на вопрос, готовы ли ущемляемые работники поддержать своих левых защитников, будет, скорее всего, отрицательным. Работники пойдут не на демонстрации, а на поиски работы, причем каждый для себя лично. Что до того, которая из политических сил сумеет извлечь из кризиса наибольшие дивиденды, то тут нельзя сказать что-нибудь определенное. Дело в том, что основные идеологии, из элементов которых лепятся сегодня партийные программы, — консерватизм, либерализм, социализм, национализм — к настоящему времени изрядно себя дискредитировали. Ни одна из них не способна заечь сердца новых сторонников, а тем более тех, кто об эти идеи обжегся.

Предложения по части преодоления кризиса также не отличаются свежестью. Левые не выходят за рамки «джентльменского набора», сформулированного еще в «Манифесте Коммунистической партии»: национализация крупной промышленности, транспорта и банков,

централизация кредита, введение «рабочего контроля» и «рабочего самоуправления», усиление прямого государственного вмешательства в экономику, введение высокого прогрессивного налога, «конфискация имущества эмигрантов и мятежников» и т.д. Все эти меры применялись неоднократно и ни разу не дали положительного эффекта, если не считать таковым укрепление диктатуры захвативших власть революционных группировок.

Консерваторы призывают закрутить гайки, которые нынешний режим и без того закрутил дальше некуда. Причем чем крепче он их закручивает, тем меньше от этого толку.

Суть предложений националистов — отнять власть у нынешних, недостаточно «русских», правителей и отдать ее «стопроцентно русским», то есть им, националистам. Для организации «русских маршей» такой программы вполне достаточно, для овладения умами — вряд ли.

Наконец, рост индивидуалистических настроений теоретически мог бы подогреть популярность либеральных идей, но только в условиях свободных конкурентных выборов, которых в обозримом будущем не предвидится. Да и в любом случае — вероятность либерального ренессанса в нашей стране преувеличивать не стоит. Население слишком хорошо помнит 1990-е годы, чтобы связывать с идеями свободной конкуренции завышенные ожидания. А без подобных ожиданий не приходится ждать и политического успеха либералов.

Зато можно с уверенностью сказать, кому ширящийся кризис способен серьезно повредить, — тем, кто в свое время под обещания обеспечить всеобщее процветание сосредоточил в своих руках всю полноту политической власти, а затем этих обещаний не сдержал. Созданная за последние годы система, в которой независимые политические игроки заменены разного рода симулякрами, а над избирательным процессом установлен жесткий административный контроль, на первый взгляд, надежно отсекает общественное недовольство от политической сферы. Но это лишь на первый взгляд — и до поры. Недовольство не исчезнет и будет только нарастать. И даже если сегодняшним правителям удастся без особых потерь миновать наиболее тяжелую фазу кризиса, нет никаких гарантий, что накопившийся в обществе протестный потенциал не проявит себя в тот момент, когда будет казаться, что самое страшное уже позади.

**Призрак
разжимающейся
пружины,
или Очередная
трансформация
«право-левого»
размежевания?**

Любая классификация является по определению приблизительной и потому оставляет за скобками массу не вписывающихся в нее деталей и фактов. Накапливаясь, эта масса требует введения новых рубрик и подрубрик.

Подобная проблема обозначилась, когда мне пришлось решать, к какому направлению отнести «Товарищество инициативных граждан России» (ТИГР) — организатора декабрьских акций в Приморье против повышения пошлин на подержанные иномарки. Платформа ТИГРа

весьма эклектична: требования установить «честные цены на бензин» и заморозить тарифы ЖКХ соседствуют с протестом против «засилья в СМИ информации об одной партии и ее лидерах и отсутствия какой-либо информации о других партиях и объединениях», против «диктатуры „Единой России“ и политической цензуры», против «недавних поправок в Конституцию... которые лишают народ последних остатков демократии», против «погрязших в коррупции чиновников» и т.п.

Необходимость каким-то образом идентифицировать ТИГР обуславливалась вполне практическими соображениями: в основу базы данных «ПартАрхив», которую я веду с начала 1990-х годов, положена классификация партий по идеологическому признаку — либеральные, коммунистические, национал-патриотические, государственнические и пр. (в целом не менее 30 разделов и подразделений, поскольку каждое из крупных течений делится на более мелкие; в частности, либералы — на социал-либералов, либерал-консерваторов, либертарианцев и т.д.). Невозможность втиснуть в рамки этой классификации все разнообразие действующих в стране организаций неоднократно заставляла (не меня одного) изобретать новые и новые рубрики: так появились «центристы» (сначала как центристы вообще, затем «правоцентристы», «левоцентристы», «партия власти»), «нетрадиционные политические организации», «объединения, созданные по конфессиональному либо корпоративному признаку», «псевдопартии» и т.п. Именно к разряду псевдопартий я долгое время относил ЛДПР, пока, убедившись, что эта радость к нам надолго, не вынужден был завести для нее отдел «популисты» — туда же впоследствии были зачислены Партия пенсионеров, «Родина» и др. Появление в 2000-х годах целого веера партий-спойлеров и партий-обманок привело к учреждению рубрик «социальная псевдооппозиция» (Партия социальной справедливости, «Справедливая Россия») и «либеральная псевдооппозиция» («Гражданская сила», ДПР).

Долго пришлось ломать голову над тем, по какому ведомству провести Общероссийский гражданский фронт Г.Каспарова, «Другую Россию» и «Национальную ассамблею», охватившие широкий круг групп и граждан самых разных, зачастую полярных, взглядов. Назвать их «право-левыми» не поворачивался язык. Во-первых, не хотелось повторяться: в 1992—1993 г. подобным образом именовалась антиельцинская оппозиция, специально для которой была создана рубрика «объединенные антиреформисты»; однако найти такое определение для новых «непримиримых» оказалось сложнее, поскольку единства среди них было еще меньше, чем у прежних. Во-вторых, дефиниция «право-левые» плохо объясняла суть нового феномена: радикалов из ОГФ, ДР и НА свело вместе лишь неприятие существующей власти, во всем остальном их пристрастия разнились кардинально.

До начала 2009 г. из этого неловкого положения я выкручивался двойко — помещая соответствующие образования либо в какую-нибудь одну рубрику (например, ОГФ — в «общедемократическую»), либо сразу в две, благо база данных такую возможность предоставляет («Другая

Россия» и «Нацассамблея» оказались и в «общедемократах», и в «лево-радикалах»). Разумеется, решение было паллиативным и неудовлетворительным. До поры я с этим мирился, но случай с ТИГРОм стал последней каплей, подтолкнув к тому, что следовало сделать давно, — к заведению рубрики «антирежимная оппозиция». Кандидатов на включение в нее к этому моменту накопилось более чем достаточно: кроме ОГФ, «другороссов» и «Нацассамблеи» здесь были нацболы, «Оборона», касьяновский Российский народно-демократический союз, «Солидарность», движение «Смена» (некоторые из этих организаций я оставил и в категории «общедемократов»). По размышлению я включил туда также «Левый фронт» и Левую партию «России — здравый смысл», не удаляя их при этом из рубрики «леворадикалы».

Однако, произведя эту новацию, я обнаружил, что в моем восприятии сегодняшней политической реальности произошел известный сдвиг и «право-левое» деление обрело новый смысл. Изменение взгляда на «право-левый» континуум (не только у меня, но и у экспертного сообщества в целом) случалось и раньше. Так, на рубеже 1980—1990-х годов в «левых» ходили сторонники перемен, то есть демократы, тогда как их оппоненты-коммунисты представлялись общественному сознанию «правыми». В 1990-е годы картина перевернулась: теперь уже адепты реформ стали именоваться «правыми», а их противники вернули себе звание «левых». И вот теперь, похоже, снова происходит переоценка ценностей: «левыми», независимо от конкретной идеологии, мало-помалу становятся противники существующего режима, «правыми» — его приверженцы.

В этом плане показателен эпизод из моей переписки с одним из членов оргкомитета партии «России — здравый смысл». Будучи неплохо знаком с моими политическими воззрениями, он как-то охарактеризовал их как левые. Я, немного удивившись, заметил, что считаю себя скорее либералом. На что он ответил: «Ну тогда я тоже либерал». Я удивился сильнее, но, поразмыслив, пришел к выводу, что в чем-то он прав: с точки зрения размежеваний 1990-х годов я, возможно, действительно «правый», а вот в системе координат «прорежимный—антирежимный» нахожусь в левой части спектра. Да и противостояние режима с оппозицией — это типичнейшее проявление консервативно-либерального размежевания, в рамках которого любой нелюбитель власти автоматически воспринимается как либерал.

Если все будет идти как идет, то очень скоро большинство интересующихся политикой в нашей стране забудут, каким содержанием еще вчера наполнялось деление на «левых» и «правых», и начнут придавать этим словам новое значение. Причем ряды «левых» будут неуклонно расти, а «правых» — таять. Слабость и маргинальность нынешней антирежимной оппозиции тут не показатель. Разве в каком-нибудь 1989 г. противники власти были сильнее, влиятельнее и многочисленнее, чем сегодня? Скорее наоборот — на порядок слабее и меньше числом, что не помешало им уже через год взять под контроль около трети российского

парламента, а еще через полтора неожиданно для всех, включая самих себя, выйти победителями из противостояния с КПСС.

Перспективы сегодняшней антирежимной оппозиции отнюдь не являются менее обещающими. И дело даже не в кризисе, изрядно осложнившем жизнь власть имущим. В конце 1980-х годов правители страны и впрямь были захвачены врасплох катастрофическим ухудшением экономической конъюнктуры, однако нынешние встречают кризис более или менее подготовленными. Дело в другом. Режим настолько увлекся установлением политической монополии и искоренением крамолы, что в обществе просто не мог не сформироваться антирежимный протест. Пружину чересчур крепко сжали, одно неловкое движение — и она сорвется, а тот, кто попытается ее остановить, получит по носу, и очень больно. До поры до времени экономическое благополучие позволяло не только удерживать пружину, но и сжимать ее еще сильнее. Кризис породил массу проблем, которые отвлекают внимание власти от неусыпного контроля над пружиной. Не ровен час, рука дрогнет, давление чуть ослабнет, и стальная спираль начнет возвратное движение, все более набирающее мощь.

Успехи коммунистов на только что прошедших выборах (в первую очередь в Тверскую гордому) свидетельствуют, что противостояние по линии «за режим — против режима» постепенно вступает в права. Ведь с точки зрения этой системы координат КПрФ — самая антирежимная из всех допущенных к избирательной кампании партий. Будь выборы равными и свободными, проводись они в обстановке более или менее честной конкуренции, успехи сил, зарабатывающих очки на жесткой критике власти, наверняка оказались бы еще более впечатляющими. Да и поведение многих кандидатов-«единороссов», скрывавших в ходе кампании свою партийную принадлежность, говорит само за себя. Никому не хочется оказаться рядом с разжимающейся пружиной.

**Последнее
китайское
предупреждение:
старикам здесь
не место**

Трудно сказать, ставил ли когда-нибудь Кремль задачу полной зачистки политического поля, с тем чтобы на нем остались только псевдооппозиционная («Единая Россия») и псевдопартия псевдоопозиционная («Справедливая Россия»), однако временами создается впечатление, что планы эти существуют и лелеются: то и дело пресса принимается мусолить слухи о предстоящем объединении левых под эгидой «эсеров» с обязательным включением в новую партию коммунистов, а на региональных выборах пытаются снять с дистанции КПрФ и ЛДПР (с последующим, правда, «восстановлением в правах»).

Одним из свидетельств существования таких планов можно считать и предложение президента ограничить пребывание партийных лидеров на своих постах двумя сроками. Интересно было бы взглянуть на лица руководителей КПрФ и ЛДПР в момент оглашения этого предложения — ведь на своих постах они бессменно стоят с начала 1990-х годов. Причем в отличие от «единороссов» и «эсеров», для которых

персональный состав руководящих органов — дело десятое, жириновцам и особенно коммунистам подобный афронт грозит прямо-таки катастрофическими последствиями.

Кремль как бы дал понять, что окончательно определился с желательным форматом партийной системы, в связи с чем намерен убрать с политической сцены последних игроков, не обязанных своим появлением на свет президентской администрации, и сузить круг партийных фигурантов до «Единой России» в центре, «Справедливой России» на левом фланге и «Правого дела» — на правом.

Сигнал означал, что процесс суверенного партстроительства миновал точку возврата и ничего «лишнего» на этом пространстве быть не должно. Просто ради внешних приличий предпочтение решено отдать не банальному снятию с выборов (слишком грубо), а более тонким методам, в частности искусственному стимулированию перестановок в партийном руководстве.

Не секрет, что одним из главных ресурсов, позволившим ЛДПР и КПРФ столько лет продержаться на плаву, является их полуклиентельный, а то и откровенно клиентельный характер. В общественном восприятии они прочно связаны с фигурами своих лидеров. О ЛДПР нечего и говорить — никакого другого капитала, кроме харизмы Жириновского, у нее нет и не было. Но и КПРФ в последние годы в значительной степени трансформировалась в «партию Зюганова». Кроме того, добившись снятия старых лидеров, Кремль наверняка не упустит бы возможности посадить во главе КПРФ и ЛДПР людей не просто послушных, но и как можно более невзрачных, никчемных. Если с Г.Зюгановым и В.Жириновским до сих пор приходится договариваться, то с новыми можно будет не церемониться. Да и вообще уход нынешних руководителей КПРФ и ЛДПР — удобный повод еще больше урезать тот жалкий телепаек, который время от времени перепадает разного рода политическим сиротам.

Для ЛДПР такой поворот явился бы настоящей катастрофой, поскольку без постоянного мелькания ее лидера на телеэкранах рейтинг партии быстро сошел бы на нет. А после соответствующих перестановок показывали бы нового лидера; прежний же, даже сохранив за собой реальные рычаги управления партией, в телевизор бы уже не попал.

Да и КПРФ отлучение Зюганова от эфира не сулило бы ничего хорошего. Конечно, в ее истории не раз бывало, что недостаток медийного внимания приводил не к понижению, а к повышению рейтинга партии, поскольку на коммунистов работала не только их собственная агитация, но и нападки противников. Но это было в 1990-х годах, когда слова «информационная блокада» означали всего лишь невозможность для оппозиции самостоятельно формировать свой телеимидж, а отнюдь не внесение ее представителей в «черные списки». Сегодня это означает именно полное теленебытие, чреватое утратой узнаваемости среди населения. Разумеется, после «исчезновения» Зюганова страну познакомили бы с новым партийным лидером, но тот, скорее всего, оказался

бы куда менее искусен в умении изображать крутую оппозиционность, не переступая при этом некую запретную черту. Иного на этот пост наверняка не допустили бы.

Правда, как выяснилось позже, чай пьют не таким крепким, каким заваривают: внесенный в Думу президентский законопроект предусматривает ротацию состава только *руководящих* партийных органов и не касается поста председателя партии. Другими словами, нововведения никак не затрагивают Жириновского, а Зюганову опасны лишь как главе Центрального комитета КПРФ: достаточно переименоваться из «председателя ЦК» в «председателя партии» — и никаких проблем.

В общем, угроза в очередной раз обернулась пшиком, последним китайским предупреждением. Остается, однако, вопрос: действительно ли Кремль намеревался ликвидировать КПРФ и ЛДПР или просто проводил «плановую профилактику»? Четкий и однозначный ответ был бы возможен лишь в случае исполнения угрозы. Пока же остается только гадать. Не исключено, в частности, что имеются «программа-минимум» и «программа-максимум»: в конечном итоге предусмотрена полная зачистка, но до поры Кремль устраивают и паллиативные результаты.

Так или иначе, задача пугнуть и приструнить выполнена на сто процентов: обе партии отлично выдрессированы и в любой момент готовы к «разумному компромиссу», то есть к полной и безоговорочной капитуляции. Особенно впечатляет степень дрессированности КПРФ, руководство которой собственноручно вычищает из партии всех, кто способен поссорить ее с Кремлем. В 2007 г. были изгнаны «неотроцкисты», осенью 2008 г. распущен Санкт-Петербургский горком¹ — один из последних в КПРФ региональных комитетов, выступавших с жестких антирежимных позиций. В январе 2009 г. бывший первый секретарь СПбГК В.Федоров и два его ближайших соратника С.Борзенко и М.Молодцова постановлением президиума ЦК исключены из партии² — по словам верного зюгановца В.Рашкина, за непонимание важности «русского вопроса»³, а на деле — за чересчур оппозиционную и независимую от федерального руководства линию.

Надо сказать, что одновременно Зюганов продвигался и к собственной цели, а именно устанавливал в партии режим неограниченной личной власти. К лету 2008 г. в КПРФ оставалось только две антизюгановски настроенные организации — питерская и московская. Причем это были и самые сильные региональные отделения партии. Уже осенью Петербургское отделение было, по сути, разгромлено: чтобы подчинить СПбРО своему влиянию и посадить во главе горкома своего ставленника С.Сокола, Зюганов не убоился потери значительной части местных и первичных организаций — как поддерживавшие В.Федорова они подверглись процедуре «перерегистрации».

Теперь в Компартии только одно региональное отделение, которое возглавляют неугодные Зюганову люди, — Московское городское. Однако (видимо, под впечатлением расправы над питерскими коллегами) лидеры МГО заметно снизили градус своей оппозиционности.

¹ Президиум б.г.

² Постановление б.г.

³ Рашкин 2009.

Первого секретаря МГК В.Уласа сегодня почти не видно и не слышно, а от имени отделения обычно выступает руководитель фракции КПРФ в Мосгордуме В.Лакеев. Более того, руководство МГК фактически свернуло деятельность собственного сайта (<http://www.comstol.ru>), добровольно уступив соответствующие функции оппонентам (<http://moskprf.ru>). И хотя в таком состоянии столичное отделение не опасно ни для Зюганова, ни для Кремля, попытки сменить руководство МГО наверняка будут продолжены и рано или поздно увенчаются успехом. И тогда Компартия окончательно превратится в вотчину Зюганова, в результате чего любая перемена в руководстве КПРФ будет равнозначна уничтожению партии. Именно этого Кремль, в сущности, и добивается — партией, целиком подчиненной одному человеку, манипулировать гораздо проще, нежели такой, где есть различные течения, направления, фракции, да и просто самостоятельные политические фигуры.

**Выход из темной
комнаты —
куда податься
бедным
либералам**

Современная российская многопартийность видала немало партийных, околопартийных и псевдопартийных проектов. Большинству из них срок был отпущен невеликий — от силы несколько лет, а то и месяцев. Многие из этих проектов существовали только на бумаге и скончались естественным образом, не дотянув до ближайших выборов. Однако те, чье появление обусловила действительная общественная потребность, продемонстрировали изрядную живучесть. Даже деградируя и угасая, они ухитрились продлить этот процесс не на один избирательный цикл. Вытесненные на дальние задворки политики, они то и дело подают признаки жизни, пусть даже у широкой публики это вызывает не столько уважение, сколько раздражение.

Прежде всего это относится к либералам — прямым наследникам общественного подъема конца 1980-х — начала 1990-х годов. Олицетворявшая эту волну «Демократическая Россия» почил в бозе практически сразу же после краха своего главного оппонента — КПСС. В течение 1992 г. «ДемРоссию» постигла целая череда расколов, вылившихся в фактическую дезинтеграцию движения. Однако летом 1993 г. ее осколки пережили своеобразный ренессанс — из них были сформированы структуры, соперничавшие между собой на протяжении последующих полутора десятилетий, — «Выбор России» и «Яблоко». На думских выборах 1995 г. «Выбор России» (точнее, его преемница — партия «Демократический выбор России») не сумел преодолеть 5-процентный барьер и, казалось, покинул политическую сцену. Но в конце 1999 г. его представители триумфально вернулись в парламент под флагом Союза правых сил. Триумф, впрочем, был недолгим — через четыре года его перечеркнул провал на парламентских выборах. В период между 2003 и 2007 гг. партия явила чудеса выживаемости, проведя депутатов в ряд региональных собраний, хотя и пожертвовала при этом своими политическими принципами, взяв на вооружение левопопулистские лозунги. Встревоженный этими успехами, Кремль вытеснил «правых» в электро-

рально невыгодную радикально-демократическую часть спектра, сведя к нулю их шансы на выборах 2007 г., а через год заставил партию слиться с двумя мнимостями, искусственно поддерживаемыми на плаву, — «Гражданской силой» и Демократической партией России.

Но и внутри «Правого дела» остатки СПС упорно отказываются умирать, вновь и вновь напоминая о себе инициативами, явно выдающимися стремление возродить праволиберальную партию в том виде, в каком она под разными названиями действовала на протяжении 1990—2000-х годов. Тут и предложение отменить празднование 23 Февраля, заменив его Днем свободы (в честь отмены крепостного права, 19 февраля); и возврат к СПСовской идее отмены воинского призыва; и предложение ввести уголовную ответственность за пропаганду сталинизма; и поддержка Л.Гозманом кандидатуры Б.Немцова на выборах мэра Сочи; и требование отставки Ю.Лужкова.

Наиболее ярко позицию бывших СПСовцев сформулировал в своих «Мартовских тезисах» Гозман: «Являясь политической партией, а не экспертным клубом или профсоюзом, „Правое дело“ должно выдвигать не только и не столько экономические, сколько политические требования. Мы должны быть не партией снижения налогов на столько-то процентов, а партией определенного, понятного всем, а не только профессионалам, политического курса. ...Необходимы не только продуманные и честные шаги в экономической и социальной сферах, но и системные политические реформы. ...Сформировавшаяся на сегодняшний день в стране политическая система, характерной особенностью которой является отсутствие политической конкуренции, не отвечает вызовам сегодняшнего дня и нуждается в реформировании. ...Для смягчения конфликтов внутри общества или, по крайней мере, для перевода их в ненасильственную сферу человечество не изобрело ничего, кроме политического представительства, достигающегося нормально функционирующими демократическими институтами, свободной прессой и независимого суда. Следовательно, политические реформы в нашей стране должны идти именно в этом направлении»⁴.

⁴ Гозман 2009.

Тезисы эти, однако, вызвали возражения той части «праводельцев», которая была делегирована в ПД формально от других партий, а фактически — от контролируемой Кремлем корпоративной предпринимательской организации «Деловая Россия». Член руководства Волгоградского отделения ПД и ДР А.Куприков, критикуя предложения СПСовцев, прямо заявил: «Если мы хотим создать партию, за которой действительно пойдет избиратель, нам надо практически полностью отказаться от всего наследия современного российского либерализма. <...> Если мы делаем ставку на бизнес, то нам следует ориентироваться на его политические предпочтения. А бизнес скорее склоняется к консервативным идеям, он заинтересован в стабильности»⁵.

⁵ Билевская 2009.

Кроме того, со встречными тезисами, названными в пику гозмановским «Апрельскими», выступил сопредседатель партии и лидер «Деловой России» Б.Титов: «Вся наша целевая аудитория, а не только

бизнес, сильно сдвинулась от праволиберальных на правоконсервативные позиции. И наши основные лозунги должны соответствовать этой тенденции. ...Поскольку бизнес для нас приоритетная аудитория, мы просто обязаны быть партией экономических экспертов, то есть именно партией „снижения НДС“, проведения промышленной политики, реальной налоговой амнистии и прочих правильных экономических решений. Наши призывы должны быть прагматичными и хорошо взвешенными. ...Мы не должны призывать к отставке руководства страны, как наши радикальные коллеги. Мы прагматики и понимаем всю бесперспективность и опасность таких лозунгов. Наш электорат — интеллектуальная элита, поэтому наш язык — экспертное мнение, мнение профессионалов. ...Поэтому нас в меньшей степени волнует судьба праха Сталина или отмена крепостного права, а больше — пути выхода страны из кризиса. Особенно хотелось бы обратить внимание наших коллег: нельзя делать непродуманные заявления, которые или прямо работают против интересов бизнеса — как, например, заявление об отставке Лужкова (на этом мы потеряли не одного сторонника), или кажутся предпринимателям эпатажными, несерьезными или несвоевременными»⁶.

⁶ *Титов 2009.*

По всем признакам, перед нами противостояние двух сценариев развития партии: (1) в качестве либерального клуба, преемника ДВР и СПС; (2) в качестве «компактной либерально-консервативной партии конструктивной оппозиции, ставящей среднесрочную задачу сформировать одну из трех влиятельных парламентских фракций»⁷. На самом деле никаких сценариев не существует, а альтернатива — только кажущаяся. Бывшие СПСовцы отстаивают свой путь исключительно потому, что не могут предложить ничего другого; тем не менее их вариант — нечто вполне реальное, существующее здесь и сейчас, пусть это существование правильнее назвать прозябанием, беспросветным и бесперспективным.

⁷ *Там же.*

Ну а то, что предлагают «делороссы», — это типичная ретроспективная утопия. «Компактная либерально-консервативная партия конструктивной оппозиции» (то есть классическая буржуазная партия) имела бы шансы на успех лишь в условиях цензовой демократии. После введения всеобщего избирательного права все «компактные либерально-консервативные партии» вынуждены были приспособливаться к новой ситуации, обращаясь к широким массам электората и апеллируя либо к традиционным ценностям (церковь, семья, закон и порядок), либо к необходимости противостоять социалистической (коммунистической) угрозе. В современных российских условиях традиционализм окрашен преимущественно в красные тона, и переиграть на этом поле коммунистов едва ли возможно. Угроза же коммунистического реванша — давно отыгранная карта, о которой нет смысла вспоминать. Остается уповать на то, что население, до этого не испытывавшее к буржуазии никакой симпатии, вдруг проникнется к ней доверием и начнет отдавать голоса за партию, отстаивающую ее интересы.

По сути, именно этот имидж — «либерально-консервативная партия конструктивной оппозиции» — «правые» пытались использовать в думскую кампанию 2003 г. Он не принес особых дивидендов тогда, и нет оснований полагать, что принесет сейчас. Вряд ли, впрочем, на это рассчитывают «делороссы» и их кремлевские кураторы. Напротив, создается впечатление, что план президентской администрации как раз в том и состоит, чтобы загнать праволибералов в заведомо невыгодную электоральную нишу. СПСовцы вяло отбиваются, догадываясь, что если тебя силой вталкивают в какую-то темную комнату, то это, скорее всего, не гостиная, а чулан; «делороссы» же в данной ситуации — добровольные помощники администрации, то есть «актив» — в специфическом, лагерном, понимании.

Но если СПСовцев в этот чулан затолкали против их воли, не лишив, впрочем, возможности вырваться и убежать — в ту же, допустим, «Солидарность», то «Яблоко» и подталкивать не понадобилось: оно само себя заперло, выходить на свет не желает и прогоняет от себя всех выступающих с подобного рода предложениями.

Когда летом 2008 г. произошла смена лидера «Яблока» и председателем партии сделался С.Митрохин, стало понятно: РОДПЯ прекращает существовать в качестве субъекта федеральной политики. Митрохин — депутат Мосгордумы, и вся его бурная деятельность, заключающаяся главным образом в борьбе с точечной застройкой, имеет целью обеспечить «Яблоку» прохождение в новый состав МГД (естественно, по партийному списку; обойти в одномандатных округах курируемых мэром «единороссов» — задача нереальная).

А на федеральном уровне партия превращается в конгломерат региональных отделений, каждое из которых проводит собственную политику — если, конечно, у него есть для этого ресурсы. Так, питерское отделение давно уже координирует свои действия не столько с федеральным партийным руководством, сколько с коллегами по «Солидарности» — и это при том, что еще в декабре сопредседатель Молодежного «Яблока» И.Яшин за подобное поведение был исключен из партии⁸.

Что касается центрального руководства РОДПЯ, то его изоляционизм ничуть не ослабел, а напротив, дошел до совершенного абсурда. Так, обсуждая возможность поддержки на выборах мэра Сочи кандидата от «Солидарности» Немцова, Бюро партии постановило потребовать от него подписать декларацию, осуждающую «криминальную приватизацию» 1990-х годов⁹. Как говорится, нашли время и место. Неудивительно, что ряд видных «яблочников», в том числе лидер питерской организации М.Резник, а также С.Ковалев и В.Шейнис, проигнорировали данное решение, объявив о своей поддержке немцовой кандидатуры¹⁰. Если упомянутых лиц исключат из партии, это будет означать, что изоляционизм привел «Яблоко» к прямому саморазрушению; если же организационных выводов не последует, это лишь подтвердит то, что как субъекта федеральной политики партии больше не существует.

⁸ *Илья Яшин 2008.*

⁹ *Решение 2008.*

¹⁰ *«Яблочники» 2009; Ковалев 2009; Владимир Рахно 2009.*

Положение, в котором оказались бывшие СПСовцы и нынешние «яблочники», различается существенно, однако есть и сходство. В частности, и тем и другим давно следует осознать: выход из темной комнаты — там же, где и вход.

Библиография

- Билевская** Э. 2009. «Правое дело» на грани раскола // *Независимая газета*. 27.02 (http://www.ng.ru/politics/2009-02-27/1_pravdelo.html).
- Владимир Рахно ответил Виктору Шейнису и Сергею Ковалеву**. 2009 (<http://www.yabloko.ru/polemic/2009/04/18>).
- Гозман** Л. 2009. *Мартовские тезисы* (<http://www.sps.ru/?id=230092>).
- Илья Яшин исключен из партии «Яблоко»**. 2008 (<http://www.mosyabloko.ru/archives/1629>).
- Ковалев и Шейнис сделали выбор**. 2009 (<http://www.spb.yabloko.ru/pbl/4177.php>).
- Постановление Президиума ЦК КПРФ о ситуации в Санкт-Петербургском городском отделении КПРФ** (http://kprf.ru/party_live/63151.html).
- Президиум ЦК КПРФ отменил решения VII отчетно-выборной конференции Санкт-Петербургского городского отделения КПРФ** (http://kprf.ru/party_live/61186.html).
- Рашкин** В. 2009. *В горкоме КПРФ не понимали, что идет геноцид русского народа* (<http://www.zaks.ru/new/archive/view/53638>).
- Решение Бюро РОДПЯ от 28 марта 2008 г. «О поддержке одного из кандидатов на выборах мэра г. Сочи»** (http://www.yabloko.ru/resheniya_buuro/2009/04/07_1).
- Титов** Б. 2009. *Апрельские тезисы* (<http://www.sps.ru/?id=230543>).
- «Яблочники» из разных регионов помогут Борису Немцову**. 2009 (<http://www.spb.yabloko.ru/pbl/4171.php>).